

Первый в российской провинции

Ярославль — родина первого российского провинциального журнала «Уединенный пошехонец», выходившего с 1786 года на средства, выделяемые генерал-губернатором А. П. Мельгуновым. Всего было напечатано двадцать четыре номера, первый из которых увидел свет 225 лет назад.

Известный масонский писатель XVIII века сенатор Иван Лопухин в своих мемуарных записках, касаясь обстоятельств ареста в 1792 году крупнейшего деятеля российского масонского Просвещения Николая Новикова, повествует о том, как того после ареста везли из Москвы в Шлиссельбург «окольными дорогами»: «Приставу от князя Прозоровского предписано было с особливою опасностью проезжать Ярославль, потому-де, что в нем была некогда Масонская ложа и под покровительством бывшего там Генерал-губернатором Алексея Петровича Мельгунова, которого тогда и с ложей уже несколько лет на свете не было...». Записки были изданы А. Герценом и Н. Огаревым в 1860 году в Лондоне, и в них содержалось одно из первых свидетельств о существовании в Ярославле масонской ложи. Ярославское масонство XVIII века сыграло значительную роль в культурной жизни города. Органом этого кружка естественно считать и первый в российской провинции журнал — «Уединенный пошехонец» (1786).

Справедливо говорить о масонском Просвещении как об альтернативе рационалистическому и скептическому Просвещению французского образца в стиле Вольтера и Дидро. Поэт-масон А. Лабзин пишет: «Ложное Просвещение, пролившееся всюду, есть та река, которая стремится поглотить Истину, хотящую породить нам мужественное чадо и бегущую для того из градов в пустыни и степи». Характерен и полемический жест против вольтерьянства в «Уединенном пошехонце»: «Сократ, Марк Аврелий, Невтон, люди различных состояний и стран, признавали и возносили свои моления тому ж истинному и единому Богу. Невтон, при произношении Высочайшаго Существа имени, приклонял каждый раз со уничтожением голову: а по сему надобно уже быть во всеочечном ослеплении, иль иметь развращенное сердце; естли б кто не подражал оному» (статья «Твердь», январь). Масонство в контексте этой эпохи является антитезой и дополнением к скептической философии французских просветителей-энциклопедистов, к духовному релятивизму и упадку нравственности, принимавшим в русском обществе угрожающие размеры. По точному суждению А. В. Себеки, «русские масоны восстали против всеобщей деморализации общества».

Масонство как культурный феномен формируется в России в момент духовного разброда и кризиса церковной жизни — в качестве объединения стремящихся к высшей цели

людей на началах братской любви, взаимной поддержки и помощи. Русское масонство объединяло в момент своего расцвета людей, стремящихся к утверждению идеальных начал в бытии. Практическая сторона масонства — благотворительная и книгоиздательская деятельность, педагогика, организация университетов, пансионов, семинарий, ученых и литературных обществ, — просвещение России. Будучи врагами произвола и тирании, масоны стремились так организовать и воспитать общество, чтобы из него ушла всякая рознь, несправедливость, противоречия, нужда. Они мечтали о стране честных, добрых, верующих в Бога людей, объединившихся без всякого внешнего принуждения для счастливой возвышенной жизни.

Хорошо о масонах «новиковского» периода сказал А. С. Пушкин: «Мы ещё застали несколько стариков, принадлежащих к этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, к которому они принадлежали».

В деятельности наместника края с 1777 по 1788 годы Алексея Мельгунова государственная целесообразность органично сочетается с личной инициативой и идеалистически мотивированным энтузиазмом. В ретро-горизонте Мельгунов предстает незаурядной личностью, ярким представителем своей эпохи, ее духовных исканий и культурного синтеза. Это сподвижник Петра III и екатерининский вельможа, выдающийся администратор, приобщившийся к духу Просвещения и посвященный в ма-

сонские тайны. Он начальствует в Сухопутном шляхетном корпусе, способствует появлению указа о вольности дворянства, участвует в дворцовых интригах, терпит поражение, губернаторствует в Новороссии, становится министром — но всюду, где он оказывается, куда заносит его зигзаг судьбы, Мельгунов интересуется культурой, вопросами духа: заводит типографии и печатает книги (сначала

в кадетском корпусе, потом в Елизаветграде и Кременчуге, а затем и в Ярославле), театр, производит исторические разыскания (знаменитый «мельгуновский клад» из скифского захоронения, некие «зырянские бумаги»), вступает в общение с умнейшими людьми эпохи, переводит из французской Энциклопедии...

В своем наместничестве Мельгунов пытался реализовать масонскую мечту о гармоничном обществе. Вера, закон, милосердие — краеугольные камни мельгуновского правления. Осуществление власти имеет своей целью утверждение идеала масонского «рая» — общества всеобщего мира, справедливости и взаимной любви. В конкретных очертаниях мельгуновской деятельности власть реализовала себя не путем деспотического принуждения, а на основе европейской концепции просвещенного монархизма. Она опирается на идею согласия сословий, ведущего к общему благу. Он стремился исполнять роль просвещенного монарха-философа на троне.

Разумное и справедливое управление должно было привести к благоустроению края и нравственному просветлению общества...

В этот-то контекст и оказался включен замысел журнала. Первый русский провинциальный журнал «Уединенный пошехонец» —

орган *масонского Просвещения* — и реализует программные принципы направления (См. с. 195: Уединенный пошехонец. 1786. Из личной библиотеки Л. Н. Трефолева. ГЛМ). Тираж журнала едва ли превышал 300 экземпляров. Очевидно, он распространялся бесплатно или по подписке среди ярославского дворянства и купечества, а возможно, и шире. В 1787 году журнал был продолжен «Ежемесячным сочинением». Выход его был прерван болезнью и смертью Мельгунова.

Как таковой журнал вовсе не заслуживает той снисходительной оценки, которая с легкой руки Л. Трефолева стала в какое-то время практически повсеместной. Ярославский журнал, несомненно, является изданием не оппозиционным, но осознанно программным; утверждение, что литературные достоинства журнала малы, выглядят голословным приговором. К «Уединенному пошехонцу» уместно отнести глубокую характеристику, данную изданию подобного рода Г. А. Гуковским: не борьба, а учительство, вернее таинство на глазах публики — вот задача журнала. Журнал был нравственно-религиозным изданием с философским уклоном (читатели приглашались размышлять об основаниях своей веры). На его страницах последовательно излагается определенная социально-философская программа издателей. В ее основе — идеал духовного просвещения, совмещающийся с масонской заботой о социальном благоустройении, нравственном самосовершенствовании, с проповедью уединения и практикой размышления на возвышенные темы.

Редактором журнала выступил секретарь Ярославского приказа общественного призрения титулярный советник Василий Демьянович Санковский, фактический секретарь Мельгунова, имевший к тому времени, когда он взялся за свой труд, эпизодический журналистский и литературный опыт. Будучи студентом Московского университета, он усердно сотрудничал в журналах активно осваивавшего масонские мотивы поэта, директора университета Михаила Хераскова «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763) как переводчик, поэт и прозаик. Здесь

сложились и литературные вкусы, и убеждения Санковского; определился круг его друзей и единомышленников. В числе членов литературно-религиозного кружка Хераскова — И. Богданович, Д. Фонвизин, А. Ржевский, ярославец по происхождению В. Майков и др.

По окончании университета, в 1764 году, Санковский предпринял издание и собственного ежемесячного журнала «Доброе намерение», куда привлек своих товарищей из круга Хераскова. Между канцелярскими трудами он занимался литературой и позднее, переводил Овидия и Горация; возможно, участвовал в петербургском журнале Хераскова «Вечера».

Вероятно, Санковский был рекомендован Мельгунову общими знакомыми; по крайней мере, в Ярославле он оказался в одно время с наместником. Пожалуй, в городе в это время не было равных им по образованности. В ярославской главной народной школе Санковский «преподавал Закон Божий и историю российскую, а также всеобщую». Несомненна и верность его идеалам юности. Трудно усомниться в том, что Санковский принадлежал к мельгуновской ложе. И еще труднее, что журнал издавался без участия самого наместника, хотя документальных подтверждений этого и нет — кроме легендарного объяснения происхождения названия журнала тем, что Мельгунов якобы удалялся на три месяца в год с редактором, Санковским, для работы над изданием в «пошехонскую усадьбу» Суханово, где жил пустынником. Мельгуновская усадьба Суханово, однако, находится отнюдь не в пошехонских местах, а в Подмоскovie, южнее Москвы. В названии журнала скорее отразились идейные установки мельгуновского кружка, в котором уединение воспринималось как залог и условие духовного сосредоточения, медитации, молитвы.

Интерес же самого Мельгунова к литературным занятиям сложился, очевидно, уже в петербургском Сухопутном Шляхетном корпусе — этом аристократическом дворянском лицее XVIII века. В корпус он вступил в 1837 году. В трогательных мемуарах С. Н. Глинки есть воспоминание о том, что в Сухопутном корпусе существовало Общество любителей рос-

сийской словесности. Воспитанники корпуса читали друг другу свои сочинения и переводы. На вечерах в Обществе слушали чужие и читали собственные переводы, оригинальные произведения и подражания, высказывали суждения, создавали и разрушали репутации. Для кадетов в корпусе имелась богатейшая библиотека: чтение трагедий Шекспира, комедий Мольера, книг Монтеня и Фонтенеля, поэтов античной древности Эзопа, Вергилия, Горация формировало творческие начала личности. В это созданное тогда юным кадетом, а впоследствии известным русским писателем Александром Сумароковым общество входил и Мельгунов.

Спустя годы, 16 декабря 1756 года, Мельгунов был назначен главным директором того ж самого корпуса. Здесь при его участии организуется типография и вскоре выходит первый номер журнала «Праздное время, в пользу употребленное».

Круг авторов ярославского издания исчерпывающе определить не так просто. Многие статьи печатались анонимно. В переводных сочинениях не указаны ни их авторы, ни источники, откуда извлечены сочинения, ни имена переводчиков. Как определила Н. Д. Кочеткова, в «Пошехонце» опубликованы переводы из книги французского просветителя Луи Себастьяна Мерсье «Мой спальный колпак» (отобраны философско-нравоучительные статьи «Твердь», «Шар земной», «Страх божий», «Последний суд», «Действие сна», «Хозяйство», «Сон. Фортуна и слава», «Благополучие», «Странноприимство», элегическое «Письмо Овидия, писанное им в заточении своем к приятелю», а также две главы сатирического характера: «Подушка» и «Баснь»). Разыскания показали, что в журнале (а также в продолжающих его «Ежемесячных сочинениях») опубликованы в переводах произведения Цицерона, английского поэта-просветителя Александра Поупа («Христианин, торжествующий при смерти»), французского поэта, академика Жана-Франсуа де Сен-Ламбера, швейцарского естествоиспытателя и философа Шарля Бонне, «Рыбаки» Феокрита, «Похвальное слово Леону Великому, папе, от Эразма Роттердамского».

В журнале (май) напечатан и оригинальный перевод написанной по-латыни элегии духовного писателя и эрудита, сначала панегириста, а потом критика Петра I, митрополита Рязанского и Муромского, местоблюстителя патриаршего престола и президента Синода Стефана Яворского — «Стихи, писанные перед смертью митрополитом Рязанским Стефаном Яворским к библиотеке своей».

Среди местных авторов, чьи имена известны, — Василий Санковский и его сын Николай, учитель ярославской семинарии и ярославского главного народного училища М. В. Розин (физик и математик), вологодский учитель И. Ф. Фортунатов, семинарист В. Васильевский, архиепископ Арсений Верещагин (он же — духовный цензор издания).

Создатели журнала пытались преподнести читателю на его страницах некий общий образ мироздания. Это мир, в котором человек соотношен прежде всего с вечностью, с Богом. Мир, где реалии повседневности, социальные и культурные вопросы, историко-краеведческие сюжеты и т. д., и т. п. — включены в глобальный христианско-мистериальный контекст, от сотворения мира до Страшного Суда.

Стремление внести общий порядок в бытие проявляется в усилиях по его классификации, упорядочению. Характерна, к примеру, подписанная Н. С. (Николай Санковский?) мартовская статья «Система легчайшей философии», в которой дается связное толкование природы человека в его способностях и возможностях, исходя из принципа богоподобия (в разуме).

Моральный аспект в журнале выступает как едва ли не главный. Правильная жизнь, верное поведение — важнейший вопрос, на который дается ответ. Ежемесячный журнал рассматривался как средство духовного влияния, воспитания читающей публики. Об этом свидетельствует давно замеченное обилие статей на темы воспитания и кратких нравственных наставлений и рассуждений (о дружбе, воле, самолюбии и проч.), а иногда наблюдение нравов. К примеру, в февральском номере в статье «Богатая одежда» мы находим характерное рассуждение: «Благоразумной человек довольствуется простою одеждою; только б оная

подложена была добродетелию. Он уверен, что таковой наряд наиболее приличествует непорочности нравов, означая доброе расположение ума и сердца. Напротив неумеренная роскошь есть знак слабья души, которая не в состоянии занять себя достойнейшим предметом, обращает все свое внимание к самым маловажным вещам, прибегает к лавке торгашей и посредством многого числа денег мнит обратить на себя взоры простаго народа, но вместо того выменивает презрение от благоразумных». При обращении к иностранной литературе ярославского переводчика привлекают сочинения и главы в первую очередь «философско-нравоучительного содержания». Возможно, к таким переводным работам относится, например, «Письмо некоего сельского Священника к Милорду» в январском номере: «Из всех повреждений сердца, по мнению моему, нет правосудительнее для человека, как сделать себе из игры единственное упражнение. Сколько б свет ни был развратен, однако не видно еще примера, чтоб страстный игрок когда-нибудь мог быть во всеобщем почтении: по крайней мере я не знаю, как ныне об оном рассуждают. Надобно, чтоб все вещи уже приняли на себя другой вид после тех пор, как я был в последний раз в городе».

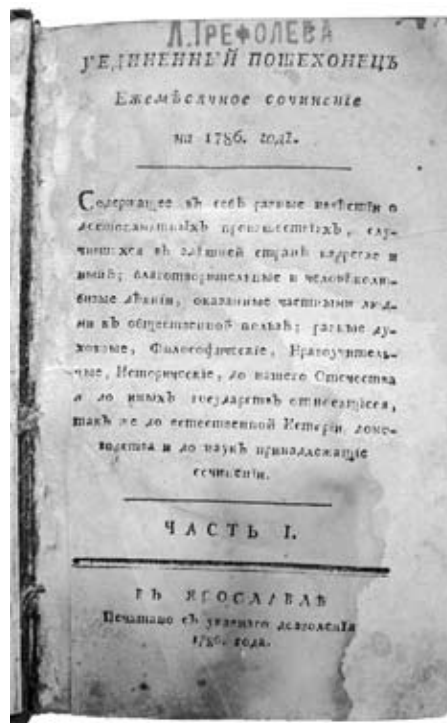
Простыми советами и рекомендациями дело вовсе не кончается. Наставление «Посехонца» вписывается в глобальный религиозный контекст и связывается с эсхатологическими мотивами (скажем, в мартовской оде «Последний суд» или там же, в мартовском номере, в покаянном «Письме герцога Д. при смерти, писанном к Ф., другу своему», где в устах автора блеск и роскошь здешней жизни теряют цену в преддверии смерти и Суда).

Философические размышления авторов журнала исходят из барочного в основе своей чувства сокровенной тайны, загадочности мироздания. В извлеченной у Мерсье статье «Шар земной» (январь) читаем: «Разсуждая о шествии вообще вселенныя, помрачается даже и мысль наша. Она в скором и безпредельном своем течении приводит в ничтожество государства, расхищает принятыя мнения и системы, раз-

зоряет деянии и применяет наружные виды; и в то самое время, когда течение природы нам кажется быть равным, шествие оной, измеряющееся вечностию, не позволяет более различать ни времени, ни мест». Есть и тайна предопределения, есть свойственное культуре барокко представление о великом театре мироздания, о чем сказано в статье «Всеобщая комедия» (февраль). «Свет наш есть театр, люди в нем суть актеры, случаи сочиняют Пиесы, фортуна раздает роли; Богословы, созерцая порядок действующих в сем театре машин, показывают всем чудныя оных движения; а

Философы суть проницательные зрители всех видимых явлений. Богатые откупили все ложи, великомощные Амфитеатр; а для бедных и несчастливых достались задняя лавки партера. В нем женщины стараются всякому в больших стаканах подносить напиток прелести и гонение фортуны снимает с свечь. Там глупость составляет Консерты, время поднимает завесу, Пиеса играется там чаще, называемая: *Мир желает подвержен быть обману; то пусть обманывается*».

Загадочен и человек. Душа его полна противоречий. Им владеют неясные силы, страсти и влечения сердца. Статей об этом в журнале немало (например, только в феврале: «Действие сна», «Страсти причиною наших заблуждений», «Сила любовныя страсти»). Масонский

интерес к этой таинственной, богатой, внутренне свободной душе человека предполагает опыты самопознания. Журнал обращает читателя к анализу нравственного опыта, к интроспекции, предлагает искать истину в душе, а не во внешнем мире. Уже в первых строках первого номера мы находим характерное на сей счет суждение: «...истина есть превечное правило и внутреннее светило, везде в нас присутствующее».

Самая главная работа человека — работа самосознания и самосовершенствования. В статье «Страх Божий» (февраль) этот взгляд получает форму апологии человека как существа разумного и сознающего мир и себя: «О человек! помысли, что глава твоя стократ более удивительна, нежели блистающее солнце, кое себя не знает, а ты оно понимать и рассуждать о нем можешь. Оно освещает вселенную огнем вещественным; но ты имеешь право быть причислен к вышшему чину природы. Звезды суть ничто иное, как нечувственные со всем орудии; тебе ж дозволено проразумевать их пружины, коими действует природа; ты знаешь учреждать собою в определенном тебе месте, чувствовать независимость своих мыслей и невольничество твоей плоти; ты ощущаешь свои силы и слабости. Словом: тебе известно, к какому чину ты помещен во всеобщем устройении мира». Человек призван бодрствовать и трудиться над собой, призван к самовоспитанию: «Пусть засыпает зверь, определенной к единому пресмыканию и к доставлению себе пищи: но человек может ли сказать: я терплю скуку и не знаю, чем себя занять. Весьма странна сия жалоба в устах существа разумного» («Шар земной», январь).

Самосознание, по логике авторов журнала, имеет и моральный вектор: «Погася огонь и положи главу на подушку, входим в рассмотрение внутренности нашей души. Глава, которая возмыслила о каком-нибудь злом намерении, кажется тернием покрыта, и Гагайчатой самой мягкой пух жесчеет под безпокойною главою злодея» («Подушка», февраль).

Это воспитание духовно развитой, душевно богатой и щедрой личности в процессе упор-

ного и напряженного переживания и осмысления проблем собственного существования. Авторы журнала предполагают, что только духовное бодрствование, моральное самоусовершенствование делают человека *человеком*. Без этого ни происхождение, ни богатство, ни имя не дают такого статуса. «Исследование наших деяний, зделанное со вниманием и безпристрастием, есть неоспоримо нам нужно, для утверждения или обращения себя на путь добродетели: и для сего то советуют нам весьма убедительно оное Толкователи Слова Божия, под именем *Испытания совести*, так как первый шаг к раскаянию. Наблюдение сего толико для нас нужно, что без того были бы мы вечными младенцами в жизни, готовыми всегда быть обольщены теми же приманками, ослеплены теми же мечтами» («Уединение», август).

Призывы к осознанию своего общественного долга и к деятельному участию в жизни сменяются в журнале меланхолическими размышлениями об изменчивости и непостоянстве в мире, который «желает подвержен быть обману»; о бренности живущего, о скоротечности человеческой жизни. «Летит быстротекуще время, / Неся на крылах тварей бремя, / И в двери вечности входя, / Все в море оной погружает, / От зрака смертных удаляет, / Ко храму Вечного паря» («Ода на Новый 1786 Год», январь).

Человеку приличествует «жизнь смешенная с злоключениями», которая научает его «познавать самого себя и изыскивать в себе способы к поправлению» — и в это же время личности, не понимаемой обществом или чуждой социальному злу и рутине, достойно блюсти себя независимо от обстоятельств. Авторы журнала ведут критику города, света («Там ложь, иль хитросплетенные противу ближняго замыслы составляют тайно их ков. Здесь раззорительная игра, распутство и всякаго роду расточении опровергают основание целых домов и несчастное семейство ведут путями отчаяния, кое не умедлит низринуть их в бездну гибели. Тщетно стирают они руки к небесам, ставши позором и уничтожением пред глазами человеков» («Деревня», январь). Человек обречен на терзания и печали: «Сре-

ди забав, среди сладчайших утех / Тревожат наш покой нечаянны помехи, / К вздыханью нашему премного в свете средств / Болезней, беспокойств, досад, смущений, бедств...» (стихотворение В. Санковского «Ох», сентябрь).

В духе масонских рецептов самосовершенствования человека понимается как процесс углубленной внутренней работы, протекающей в уединении. Ради этого не грех уйти из общества в пустыни и дебри, к тем близким людям, которые способны к благодарности и любви. Вот откуда апология жизни вне города, удаления в пустынную «Пошехонию», бегства «из печальных жилищ гордости и невольничества, градов великолепных, где пресмыкающийся порок толь часто под образом смиренных добродетели себя являет». Журнал хвалит вольную и невинную сельскую жизнь, где нет лицемерия, коварства, обманчивых фетишей и лжи света, где уходит суетное и где совесть не страдает от измен.

В мире природы если и не раскрывается образ Бога, то даются ключи к Его познанию. «Сии все прекрасныя явления, все чудеса, все таинственныя природы начертания не сильны ли и мое сердце убедить к живому познанию непостижимаго величества Божия?» («Размышление Спокойнаго поселянина, торжествующаго посреди роскошествующия весною природы», апрель).

Авторы журнала предлагают отрешиться от светской суеты и в мирном уединении искать покоя и гармонии в общении с природой, вдали от городов, в сосредоточенном труде на земле, в размышлениях и занятиях науками. «Я оставляю вас, печальныя жилища гордости и невольничества, грады великолепныя, где пресмыкающийся порок толь часто под образом смиренных добродетели себя являет, где злато заменяет все драгоценныя чувствованию природы под блистательною безумия наружностью. Я паки узреваю тебя, любезная деревня, приятное убежище щастия и невинности. Свободен став от оков света, начинаю в тебе дышать сладчайшим воздухом вольности. Мысли мои разпространяются подобно обширному горизонту, коего пределы уходят от зре-

ния. Некое тайное удовольствие объемлет все мои чувства. Приближаюсь к познанию своего щастия, вступая в вожденный свой шалаш. Спешу исполнить предопределение природы. Умеренные труды будут довольствованием моих нужд. Сад, возделанныя поля, стада скотов представляют изобильныя выгоды для печности моей, находя себя вне опасности от поражающих стрел ненавистнаго злословия и вредоносной клеветы» («Деревня», январь).

Почти в тех же выражениях тема изложена в замечательной статье «Уединение» (февраль): «Счастлив тот, кто, доволен будучи природным своим воздухом, ограничивает желании свои и попечении на нескольких десятинах земли, которую получил в наследие от своих предков.

Стада снабжают его молоком, поля хлебом, овечья кожа платьем, летом деревья его производят тень, а зимою огонь.

Не зная беспокойства, имеет он тело здоровое, соединенное со спокойною душою, и чувствует протекающие приятно свои часы, дни и годы.

Размышление и наука, перемешанные покоем, умеренные труды; но более всего неповинность делают ему во всякую ночь спокойной сон.

Хотел бы я жить так, не знаем и не ведом, хотел бы я умереть так, не оплакан, и чтоб после побегу моего из сего света ни один камень не говорил: *он здесь лежит*».

Идеальная личность в журнальном описании — это человек, застигнутый историческими испытаниями, который отнюдь не отказывается от просветительского оптимизма, но все чаще поверяет его логикой стоического должествования «вопреки всему» — и душевно эмигрирует из несправедливого и вероломного общества в круг друзей, подобных, по суждению автора «Письма герцога Д...» в мартовском номере, «великодушному Ф... которой есть другой я», в братство масонской ложи и на лоно всепримиряющей природы.

Евгений ЕРМОЛИН,
член Союза российских писателей,
академик Академии русской современной
словесности